

СУД ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

О С О Б О Е М Н Е Н И Е судьи Чайки К.Л. (дело № СЕ-1-2/1-20-КС)

город Минск

10 марта 2020 года

1. 10 марта 2020 года Коллегией Суда Евразийского экономического союза (далее – Коллегия Суда) вынесено постановление о прекращении производства по делу по заявлению общества с ограниченной ответственностью «Электронная таможня» (далее – ООО «Электронная таможня», истец) о признании не соответствующим Международной Конвенции о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров от 14 июня 1983 года (далее – Конвенция о Гармонизированной системе) и Договору о Евразийском экономическом союзе (далее – Договор) решения Коллегии Евразийской экономической комиссии (далее – Комиссия) от 10 сентября 2015 года № 113 «О внесении изменений в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза в отношении отдельных видов проходческих и очистных машин» (далее – Решение № 113) в части включения в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (далее – Товарная номенклатура) кода 8430 50 000 2 «машины очистные узкозахватные».

В соответствии с пунктом 1 статьи 79 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент), в случае несогласия с решением Суда или его отдельными положениями судья вправе заявить особое мнение.

Исхожу из того, что согласно взаимосвязанному уяснению пункта 1 статьи 79, абзаца 3 пункта 2 статьи 84 Регламента судья Суда Евразийского экономического союза вправе заявить особое мнение к постановлению о прекращении производства по делу, вынесенному в виде отдельного судебного акта и являющемуся окончательным актом, завершающим рассмотрение дела.

Пользуясь предоставленным мне правом, заявляю особое мнение.

2. Коллегия Суда, прекратив производство по делу, установила, что рассмотрение заявления ООО «Электронная таможня» не относится к субъектной и предметной компетенции Суда.

Обосновывая позицию об отсутствии субъектной компетенции, Коллегия Суда исходила из того, что Решение № 113, которым установлен классификационный код товара для целей его таможенного декларирования, применяется только к декларанту товара, а не к таможенному представителю. Тот факт, что ООО «Электронная таможня» не являлось декларантом и осуществляло деятельность по декларированию ввозимого товара на основании гражданско-правового договора с ОАО «СУЭК-КУЗБАСС», позволил Суду сделать вывод, что оспариваемое решение не затрагивает права и законные интересы истца.

В основу подхода Суда об отсутствии предметной компетенции по разрешению спора по заявлению ООО «Электронная таможня» положен вывод, согласно которому Конвенция о Гармонизированной системе не относится к международным договорам в рамках Союза и международным договорам с третьей стороной в понимании пункта 41 Статута, вследствие чего заявленное требование о соответствии Решения № 113 Гармонизированной системе выходит за пределы компетенции Суда.

Полагаю, что позиция Коллегии Суда противоречит праву Союза и устоявшимся правовым позициям Суда.

3. Компетенция Суда по разрешению спора по заявлению хозяйствующего субъекта определена подпунктом 2 пункта 39 Статута. В соответствии с указанной правовой нормой Суд рассматривает заявление хозяйствующего субъекта о соответствии решения Комиссии Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, непосредственно затрагивающего его права и законные интересы в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, если такое решение повлекло нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта.

Пункт 108 Статута, посвященный актам, которые Коллегия Суда принимает по итогам разрешения спора, инициированного хозяйствующим субъектом, содержит положение, в силу которого по результатам рассмотрения дела о соответствии решения Комиссии, непосредственно затрагивающего права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, если такое решение или его отдельные положения повлекли нарушение предоставленных указанными актами

прав и законных интересов хозяйствующего субъекта, Коллегия Суда признает оспариваемое решение соответствующим или не соответствующим праву Союза.

Взаимосвязанное уяснение подпункта 2 пункта 39 и пункта 108 Статута свидетельствует, что основанием наличия у Суда компетенции по проверке соответствия решения Комиссии праву Союза служит тот факт, что оспариваемое решение затрагивает права и законные интересы хозяйствующего субъекта. В свою очередь, нарушение таких прав и законных интересов является результатом несоответствия решения Комиссии Договору и международным договорам в рамках Союза.

Данный вывод согласуется с позицией, изложенной в постановлении Коллегии Суда по заявлению ЗАО «Дженерал Фрейт» от 21 декабря 2015 года, согласно которой Статут предоставляет хозяйствующим субъектам право на обращение в Суд в случае, если, во-первых, оспариваемый акт Комиссии или отдельные его положения непосредственно затрагивают их права и законные интересы и, во-вторых, касаются предмета их предпринимательской и иной экономической деятельности (абзац 2 раздела «Выводы Коллегии Суда»).

В решении от 7 апреля 2016 года по заявлению ООО «Севлад» (абзац 2 подпункта 7.2.1) Коллегия Суда пришла к выводу, что без оценки соответствия решения Комиссии праву Союза не представляется возможным установить факт нарушения прав и законных интересов субъекта хозяйствования. Соответственно, непосредственный интерес лица в оспаривании решения Комиссии служит основанием для рассмотрения дела, а нарушение прав и законных интересов является следствием несоответствия решения праву Союза.

Право Союза не раскрывает содержание понятия «непосредственный интерес». Буквальное толкование данной правовой категории позволяет сделать вывод, что характеристика решения как «непосредственно затрагивающего права и законные интересы хозяйствующего субъекта» означает, что указанное решение применяется или может быть применено к хозяйствующему субъекту, регулирует общественные отношения с участием указанного лица. Обращаясь к данному вопросу в решении от 7 апреля 2016 года по заявлению ООО «Севлад», Коллегия Суда отметила, что в соответствии с принципом правовой определенности решение Комиссии или его отдельные положения могут признаваться непосредственно затрагивающими права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, в том числе, когда соответствующее решение применяется к конкретному

субъекту в связи с его хозяйственной деятельностью (абзац 1 пункта 6.2 решения). Схожий подход приведен в решении Коллегии Суда от 4 апреля 2016 года по заявлению ЗАО «Дженерал Фрейт», в котором указано, что решение Комиссии непосредственно затрагивает права и законные интересы хозяйствующего субъекта, если влечет для него правовые последствия (абзац 3 раздела «Процедура в Суде»).

Изложенный в постановлении Коллегии Суда подход, в соответствии с которым таможенный представитель лишен права на оспаривание решения Комиссии, не согласуется с практикой Суда Союза, а ранее и Суда ЕврАзЭС, которые при рассмотрении дел по заявлениям ЗАО «Юнитрейд» и ООО «ОНП» признавали таможенных представителей надлежащими истцами.

При таких обстоятельствах вывод Коллегии Суда о том, что Решение № 113 непосредственно не затрагивает права и законные интересы ООО «Электронная таможня», не согласуется с пунктом 39 Статута и противоречит устойчивой практике Суда.

4. Коллегия Суда, установив, что Решение № 113 не затрагивает права и законные интересы ООО «Электронная таможня» в связи с наличием у него статуса таможенного представителя, не исследовала нормы права Союза, относящиеся к порядку декларирования товаров в части установления субъектов данных правоотношений.

Применение Товарной номенклатуры хозяйствующими субъектами регламентировано статьями 104 и 106 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (далее – ТК ЕАЭС). В соответствии с пунктом 2 статьи 104 и пунктом 1 статьи 106 ТК ЕАЭС таможенное декларирование, включающее указание в таможенной декларации кода товара в соответствии с Товарной номенклатурой, осуществляется декларантом либо таможенным представителем. Из смыслового значения указанных норм следует, что право самостоятельно определять классификационный код Товарной номенклатуры при декларировании товара предоставлено как декларанту, так и *таможенному представителю*. Данное право является одним из элементов правосубъектности таможенного представителя, под которой понимается его способность приобретать и осуществлять права и обязанности.

В соответствии с подпунктом 44 пункта 1 статьи 2 ТК ЕАЭС таможенный представитель – это юридическое лицо, совершающее таможенные операции от имени и по поручению декларанта. Уяснение пункта 1 статьи 401, пункта 1 статьи 404 ТК ЕАЭС позволяет сделать вывод, что таможенный представитель при совершении таможенных операций обладает теми же правами, что и лицо, которое

уполномочивает его представлять свои интересы во взаимоотношениях с таможенными органами. Изложенное означает, что таможенный представитель осуществляет функции декларанта, а, значит, нормы права Союза, которые влияют на правовое положение декларанта, аналогичны нормам, затрагивающим права и законные интересы таможенного представителя.

С учетом данного подхода положения статьи 84 ТК ЕАЭС, регламентирующие правовой статус декларанта, применимы к таможенному представителю.

Таможенный представитель, осуществляя декларирование товара, применяет классификационные коды Товарной номенклатуры, а, значит, внесение в нее изменений затрагивает его права и законные интересы, даже если оно не привело к возникновению негативных последствий.

Обращение к фактическим обстоятельствам рассматриваемого дела свидетельствует, что в рамках правоотношений по декларированию товара от имени и по поручению ОАО «СУЭК-КУЗБАСС» к истцу применены санкции по национальному законодательству на основании Решения № 113.

5. Пунктом 3 статьи 1 ТК ЕАЭС государства – члены Союза приняли обязательство, что таможенное регулирование в Союзе осуществляется на принципе *гармонизации* международных договоров и актов в сфере таможенного регулирования *с нормами универсального международного права*. Исходя из нормы-определения статьи 2 Договора под гармонизацией понимается сближение нормативного правового регулирования, направленное на установление сходного регулирования в соответствующих сферах экономики.

Понятие «ведение Товарной номенклатуры», содержащееся в статье 45 Договора и пункте 5 статьи 19 ТК ЕАЭС предусматривает выполнение Комиссией функций по:

- мониторингу изменений международной основы Товарной номенклатуры и пояснений по ее толкованию;
- приведению Товарной номенклатуры и пояснений к ней в соответствие с ее международной основой;
- внесению по предложениям государств-членов изменений в Товарную номенклатуру и пояснения к ней.

Телеологическое толкование пункта 1 статьи 42 и пункта 1 статьи 45 Договора, пункта 5 статьи 19 ТК ЕАЭС однозначно свидетельствует, что Конвенция о Гармонизированной системе является источником Товарной номенклатуры, в связи с чем полномочия Комиссии на принятие решений по утверждению и ведению Товарной

номенклатуры, включая внесение в нее изменений, ограничены необходимостью обеспечения ее соответствия Конвенции о Гармонизированной системе.

Данный вывод согласуется с позицией Суда об обязательности для Союза требований норм универсальных международных договоров. Согласно решению Апелляционной палаты Суда от 21 июня 2016 года по делу по заявлению ЗАО «Дженерал Фрейт» международный договор, не являющийся международным договором в рамках Союза или международным договором Союза с третьей стороной, подлежит применению в рамках Союза при наличии двух кумулятивных условий: (1) все государства – члены Союза являются участниками международного договора; (2) сфера действия международного договора относится к области единой политики в рамках Союза (абзац 11 пункта 5.1.1 решения). На этом основании Апелляционная палата установила, что Конвенция о Гармонизированной системе наряду с правом Союза подлежит применению для регулирования таможенно-тарифных отношений в рамках Союза (абзац 15 пункта 5.1.1 решения).

К аналогичному выводу пришла Апелляционная палата Суда в решении от 31 октября 2019 года по заявлению ООО «Шиптрейд», которым Конвенция о Гармонизированной системе признана подлежащей применению для регулирования таможенно-тарифных отношений в Союзе (абзац 8 пункта 5.1 решения).

Анализ права Союза свидетельствует об использовании юридической техники, предусматривающей отсылку к международным договорам, участниками которых являются государства-члены. В сфере таможенно-тарифных правоотношений подобное правовое регулирование содержится в статье 25 Договора и статье 19 ТК ЕАЭС посредством указания на Конвенцию о Гармонизированной системе. Примером бланкетной нормы в сфере тарифного регулирования служат пункт 1 статьи 1 и пункт 1 статьи 2 Договора о функционировании Таможенного союза в рамках многосторонней торговой системы, которые подлежат применению в силу Протокола о функционировании Союза в рамках многосторонней торговой системы, являющегося приложением № 31 к Договору. В соответствии с данными правовыми нормами с даты присоединения любой из Сторон к Всемирной торговой организации (далее – ВТО) положения Соглашения ВТО, как они определены в Протоколе о присоединении этой Стороны к ВТО, включающем обязательства, взятые в качестве условия ее присоединения к ВТО и относящиеся к правоотношениям, полномочия по регулированию которых в рамках Союза делегированы Сторонами его органам, и правоотношениям, урегулированным международными

соглашениями, составляющими договорно-правовую базу Союза, становятся частью правовой системы Союза и имеют приоритет над соответствующими положениями международных договоров, заключенных в рамках Союза, и решений, принятых его органами.

Уяснение указанных норм права Союза позволяет прийти к выводу, что если в тексте Договора или международного договора в рамках Союза выражена воля государств-членов на применение универсального международного договора, не поименованного в пункте 1 статьи 6 Договора, для признания его источником права Союза не требуется выполнение дополнительных условий, указанных в решении Апелляционной палаты Суда по делу по заявлению ЗАО «Дженерал Фрейт». В этом случае универсальный международный договор входит в число источников права Союза и в круг актов, применяемых Судом в соответствии с пунктом 50 Статута.

Истолкование права Союза, подтвержденное устойчивой практикой Суда, свидетельствует, что проверка решения Комиссии на соответствие не только Договору и международным договорам в рамках Союза, но и Конвенции о Гармонизированной системе входит в предметную компетенцию Суда.

Изложенное позволяет констатировать, что публично-правовая обязанность Комиссии соблюдать положения Конвенции о Гармонизированной системе при ведении Товарной номенклатуры влечет возникновение у лица законного интереса по ее надлежащему исполнению органом интеграционного объединения.

Применение сформулированного правового подхода к обстоятельствам рассматриваемого дела дает основания для вывода о наличии у истца, как хозяйствующего субъекта, наделенного статусом таможенного представителя в соответствии со статьей 401 ТК ЕАЭС, к которому в рамках административного производства применялось Решение № 113, законного интереса в обеспечении его соответствия Конвенции о Гармонизированной системе.

Коллегия Суда, прекратив производство по делу со ссылкой на наличие гражданско-правового договора между ООО «Электронная таможня» и собственником товара проигнорировала публично-правовые обязательства Комиссии и устранилась от реализации возложенной на нее пунктом 39 Статута функции по разрешению спора.

6. Учитывая, что Суд обладает исключительной компетенцией по проверке соответствия решения Комиссии праву Союза и принимая во внимание, что в силу пункта 3 статьи 84 Регламента постановление о прекращении производства по делу является окончательным и

обжалованию не подлежит, считаю необходимым обозначить вопрос о соблюдении права истца на судебную защиту.

Преамбулой Договора предусмотрено учреждение Союза на основе соблюдения принципа верховенства конституционных прав и свобод. В консультативном заключении от 20 декабря 2018 года, раскрывая содержание данной нормы, Суд указал, что уровень прав и свобод, гарантированный Союзом, не может быть ниже, чем он обеспечивается в государствах-членах (абзац 5 пункта 3.1 раздела III «Выводы Суда»).

В силу подпункта 1 пункта 50 Статута Суд при осуществлении правосудия применяет общепризнанные принципы и нормы международного права. В связи с изложенным полагаю, что при вынесении судебного акта целесообразно основываться на общих конституционных традициях государств-членов, а также международных соглашениях о защите прав человека и формулировать на их основе общие принципы права Союза, одним из которых является право на суд.

Право на доступ к суду гарантировано Конституциями всех государств – членов Союза (статья 61 Конституции Республики Армения, статья 60 Конституции Республики Беларусь, пункт 2 статьи 13 Конституции Республики Казахстан, пункт 1 статьи 40 Конституции Кыргызской Республики, часть 1 статьи 46 Конституции Российской Федерации), что соотносится со статьей 8 Всеобщей декларации прав человека и статьей 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Право на доступ к суду следует толковать в свете общего принципа верховенства права, согласно которому стороны должны располагать эффективными средствами защиты, включающими не только возможность инициировать судебное разбирательство, но и *право на разрешение спора* судом по существу. При этом эффективность права на доступ к суду выражается в наличии у лица возможности оспорить акт, которым затронуты его права и законные интересы. В свою очередь, реальный и эффективный характер права на доступ к суду может быть нарушен наличием процессуальных барьеров, препятствующих или ограничивающих возможность обращения в суд или особенно строгим толкованием процессуальных норм.

Применение перечисленных правовых позиций к обстоятельствам рассматриваемого дела свидетельствует о том, что Коллегия Суда, прекратив производство по делу в связи с излишне строгим толкованием критерия приемлемости, допустила нарушение процессуальных норм права Союза, что привело к лишению истца права на доступ к суду.

7. С учетом изложенного полагаю, что Коллегии Суда следовало рассмотреть по существу требование истца о несоответствии Решения № 113 Договору и Конвенции о Гармонизированной системе.

Судья Суда Евразийского
экономического союза

К.Л. Чайка